

Article No. 258

DOI: <https://doi.org/10.26881/srg.2021.8.14>

Научно-исследовательская статья / Research article

Copyright © 2021 SRG and S. Doronina¹

Citation:

Доронина, С. (2021). Истоки современных представлений о детстве: онто-гносеологический аспект.

Studia Rossica Gedanensia, 8: 253–266. DOI: <https://doi.org/10.26881/srg.2021.8.14>

Doronina, S. (2021). Istoki sovremennyh predstavlenij o detstve: onto-gloseologičeskij aspekt.

Studia Rossica Gedanensia, 8: 253–266. DOI: <https://doi.org/10.26881/srg.2021.8.14>

ИСТОКИ СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДЕТСТВЕ: ОНТО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

СВЕТЛАНА ДОРОНИНА / SVETLANA DORONINA

Национальная академия наук Беларуси / National Academy of Sciences of Belarus

Институт философии / Institute of Philosophy

Отдел философии культуры / Philosophy of Culture Department

ул. Сурганова 1, корп. 2, BY-220072, Минск, Беларусь / Surganova St. 1/2, BY-220072 Minsk, Belarus

Corresponding Author e-mail: svetadoris@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0536-7587>

(получено / received 13.08.2021; принято / accepted 25.08.2021)

Abstract

The origins of modern ideas about childhood: ontological and epistemological aspects

This article attempts to identify the historical forms of ideas of childhood in the Western European culture. The author establishes a genetic connection between the ideas of childhood, as well as a mechanism of their transformation in the history and cul-

¹ This is an open-access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0 <https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/>) which permits use, distribution, and reproduction in any medium, provided that the article is properly cited, the use is non-commercial, and no modifications or adaptations are made. Publisher: University of Gdańsk. Faculty of Language [Wydawca: Uniwersytet Gdański. Wydział Filologiczny]

ture. The purpose of the study is connected with attempts to substantiate a connection between historical forms of ideas of childhood, on the basis of which educational and upbringing practices as well as paradigmatic views of the world, the nature of human subjectivity, are formed.

Keywords: phenomenon of childhood, child, dialectical development, “adult – child” relationship, educational and educational practices, onto-epistemological foundations, philosophy, human subjectivity.

Резюме

Автор статьи предпринимает попытку выявить исторические формы представлений о детстве в западноевропейской культуре. Автор устанавливает генетическую связь концепций детства, а также механизм их трансформации в истории и культуре. Цель исследования связана с попытками обосновать связь между историческими формами представлений о детстве, на основе которых формируются образовательные и воспитательные практики, и парадигматическими воображениями о мире, природе человеческой субъективности.

Ключевые слова: феномен детства, ребенок, диалектическое развитие, отношения «взрослый – ребенок», воспитательно-образовательные практики, онтогносеологические основания, философия, человеческая субъективность.

Введение

Исходя из анализа эмпирического материала, можно утверждать, что в качестве значимой социально-культурной категории бытия – детству – вплоть до XVI века не уделялось достаточного внимания. Артикуляция этой проблемы позволяет выделить два основных предположения, проливающих свет на исследование феномена детства. Во-первых, вплоть до XVI века исследовательская позиция взрослых экспертов игнорировала факт наличия у ребенка специфических имманентных ему особенностей восприятия мира и бытийных характеристик; во-вторых, во все эпохи существуют тенденции к обобщению различий детей и интеграции знания о них в более широкий социально-культурный контекст, игнорируя при этом субъективные аспекты детского опыта. В то время как представления о детях и требования к их поведению в разных культурах, традициях и эпохах отличаются, подход, связанный с социальным конструированием и проективным восприятием этого феномена, остается универсальным.

Дефицитарность детства в древней Античности

Небольшие свидетельства древнегреческих авторов, демонстрирующие незначительный интерес к теме детства, – насколько мы можем судить об этом, исходя из оставшихся разрозненных фрагментов различных текстов, – содер-

жат данные о существовании представлений о детстве преимущественно как начальной биологической и психофизической стадии человеческого развития (Фрагменты 1989: 270–271). Попытки объективировать представления о детстве через метафорическое и символическое понимание, высказывания, фиксирующие повседневное отношение философов к ребенку, указывают на попытки проблематизировать этот феномен, которых, однако, не достаточно для создания целостной концепции, поясняющей «каково это быть древнегреческим ребенком».

Более четкие контуры представлений о детстве в Античности можно обнаружить в трудах древнегреческого философа Платона, в которых изложены взгляды на стадийное развитие детей (Платон, online), описаны методы воспитания и обучения (Платон, online). Было установлено, что при всей своей социально-политической направленности концепция Платона исключает обсуждение ряда принципиально значимых тем, таких как взаимоотношения в семье, интересы детей, их эмоциональные и бытовые стороны общения и т. д. Ребенок рассматривается философом преимущественно в качестве объекта социального конструирования и воспитательно-образовательного воздействия, встроенного в рамки четкой государственной структуры и лишённого до определенного возраста когнитивных и нравственных навыков, являющихся основными критериями взрослости. Ценности детства, а также семьи как самостоятельных феноменов, безотносительно целей государства, мыслителем не рассматриваются (Платон, online). Русский философ А.Ф. Лосев резюмировал концепцию идеального государства Платона следующим образом: «Аборт и детоубийство – диалектическая необходимость для платонически мыслящей женщины. А главное, не нужно считать никого своими родителями и своими детьми. Надо стереть семью с лица земли» (Лосев 1993: 852). Отталкиваясь от платонических представлений о ребенке, положивших начало последующей западной философской традиции, Аристотель в своей педологии рассматривает статус детей по аналогии с положением «царских подданных» (Аристотель 1983: 375–644), что позволяет выявить новые интерпретации отношений «взрослый – ребенок», исключающих идею «обобществления» детей в идеальном государстве Платона (Аристотель 1983: 472). Мыслитель аргументировано обосновывает этико-моральную причину несовершенства детей и исходит из следующего предположения – дети представляют собой «недоразвитых» существ, которые в отсутствие способностей к суждению и в силу невозможности осуществлять правильный выбор не могут быть счастливыми и полноценными личностями и гражданами.

Согласно такому подходу, ребенок представляет лишь возможность (*δύναμις*), но не действительность (греч. *ἐντελέχεια* «осуществленность», от *ἐντελής* «законченный» и *ἔχω* «имею»), что вносит существенное дополнение в определение детства и в целом человеческой субъективности в древней Античности (Аристотель 1976: I: 234–235). Взрослость, являющаяся, по сути, целью и смыслом человеческого развития, предшествует детству и формирует его как пассивное несостоявшееся (Аристотель 1976: I: 245). Это то, что позже известный психолог Э. Эриксон в работе *Детство и общество* назовет введением онтологической

дифференциации в культурное разнообразие путем установления качественных отличий.

Аристотелевская концепция детства оказала существенное влияние на формирование представлений о ребенке во все последующие периоды. Многие педагоги и ученые до сих пор неосознанно обращаются к различным вариантам этой трактовки, положенной в основание современной социальной и воспитательно-образовательной системы. Это указывает на существование устойчивых преемственных связей в исторических представлениях о детстве и позволяет обосновать наличие в современных трактовках детства ряда проблем, связанных, во-первых, с дискриминацией детей с ограниченными возможностями, а, во-вторых – с акцентуациями на развитии навыков и способностей у детей, определяемых исключительно с позиции взрослого мира (Matthews, online).

Отсутствие моральных и юридических способов регулирования отношений между взрослыми и детьми, ограничений, направленных против практик детоубийства, торговли детьми и сексуальных домогательств, также подтверждают незначительный статус ребенка в древней Античности (Демоз 2000: 42–47). По некоторым данным, только в конце IV – начале III века до н. э. было высказано осуждение детоубийства, описания которых можно обнаружить в работе Л. Демоза *Психоистория*. Согласно его концепции, инфантицидный стиль воспитания (Демоз 2000: 83), характеризующийся высоким уровнем проективной идентификации у взрослых в отношении детей и низкой степенью заинтересованности в познании их субъективного опыта, являлся характерной чертой отношений «взрослый – ребенок» в Древней Греции. Этот факт хорошо отображает цитата современного американского исследователя Н. Постмана, который в работе *Исчезновение детства* относительно античного периода писал: «Существует старая поговорка о том, что у греков есть слово для всего, кроме того, что относится к понятию „ребенок”» (Postman 1982: 18).

При всех этих негуманных подробностях древние греки одни из первых были озабочены поиском методов воспитания и обучения, созданием образовательной системы, что, с точки зрения Н. Постмана, является предзнаменованием возникновения идеи детства (Postman 1982: 20). Тем не менее, древнегреческая «пайдейя» (греч. παιδεία – формирование ребенка, образование, воспитанность, культура) – понятие античной философии, означающее универсальную образованность (лат. *humanitas* – вселенская образованность как существо человека), не означает заботу и любовь к детям в общепринятом в наши дни значении слова, поскольку отношение к ребенку в тот период, с точки зрения современных воззрений, не является гуманным.

«Темный» век отсутствия детства

Несмотря на обширный интерес исследователей феномена детства к Средним векам, в результате которого появился ряд обоснованных исторических и культурологических концепций, характеризующих этот период как «темное» время отсутствия детства, в настоящий момент появляется все больше опро-

вержений такому подходу. В основном они базируются на критике трудов таких известных авторов, как Ф. Арьес и Л. Демоз, упрощенные взгляды которых на феномен детства в Средние века привели к игнорированию этой темы в последующих исследованиях (Classen 2005: 4). Ниже перечисленные уточнения корректируют общие и однозначные заявления о монолитном единстве идеи отсутствия детства в Средние века.

В конце XX века был проведен ряд исследований, доказывающих, что в Средние века существовала концепция детства, образовательные теории и нормы детского поведения (Shulamith 1990). Вопреки утверждениям, по инерции ретроспективно отражающим общепринятую точку зрения об отсутствии детства в Средние века, и привлекательности идеи четкого разделения между средневековым «темным» прошлым и гуманной современностью, такие допущения не являются обоснованными.

Согласно историку-медиевисту Альбрехту Классену, существует много источников, подтверждающих наличие уважительного отношения к детям в период позднего Средневековья (Classen 2005: 6), проясняющих экзистенциальный и феноменальный опыт ребенка. К более ранним примерам можно отнести автобиографические воспоминания Августина Аврелия, изложенные в его труде *Исповедь* (Августин 2000: 8–15) и отражающие глубокой интенсивности переживания детского опыта, сожаление о невозможности считать его частью последующей жизни. Автобиографические описания могут внести некоторую определенность в понимание феномена детства, однако некоторые исследователи предостерегают от абсолютизации таких подходов, поскольку, во-первых, автобиографические описания являются ретроспективным изложением способов социального взаимодействия ребенка и взрослого, во-вторых, чаще всего они представляют совокупность «склеенных» воспоминаний, качественные и количественные характеристики которых очень искажены. Об этих особенностях писал в своих трудах русский ученый Л.С. Выготский (Выготский 1983). Также существуют данные о специфике организации школьного пространства в Средние века, отношений между детьми и взрослыми, преподавания в отсутствие возрастной дифференциации (Арьес 1999).

Предельно обобщая, можно отметить, что новым в христианской парадигме интерпретации феномена детства является попытка его сакрального прочтения. Под влиянием христианской религии, ее позиции относительно греховности человеческой природы, детство предстает в двух противоречащих друг другу ипостасях. С одной стороны, культ Девы Марии и младенца Христа позволил по-новому взглянуть на ребенка, который, являясь одновременно и презренным греховным существом (Аврелий Августин в произведении *Исповедь* отражает эти мысли следующим образом: «Младенцы невинны по своей телесной слабости, а не по душе своей» (Августин 2000: 8–15)), и новым представителем обещанного спасения, призывал взрослых к преодолению отвращения и любви (Frijhoff 2012: 14). В результате чего уже в IV веке н. э. появились сторонники защиты детей, умерщвление которых стало рассматриваться как убийство, несмотря на завуалированность таких мотивов христианской заботой о душах родителей. Однако, насколько позволяют судить данные (Демоз 2000: 48–49),

несмотря на попытки гуманизировать отношения между взрослыми и детьми, вплоть до XVI века детоубийство, масштабы которого в европейских странах были весьма значительными, наказывалось лишь в единичных случаях.

Параллельно сакральным представлениям о ребенке развивался гиперболизируемый уничижительный образ, указывающий на ущербность детей, их незначительную роль в жизни взрослых, целесообразность их вытеснения на периферию жизни, что свидетельствует о низком интересе к теме детства в средневековой культуре, взятой безотносительно христианской традиции.

Двойственность представлений о детстве в эпоху Средневековья также можно проследить, исходя из анализа архаических представлений о нем. Период детства, рождение ребенка часто символизировались, согласно мирским суевериям, с «потусторонним» миром, что порождало страхи и безразличие в общении с ребенком. Такое отношение к детям отражалось в оставляющем стиле воспитания (Демоз 2000: 84), в рамках которого как ребенок, так и взрослый, согласно концепции Демоза, представляли «детскую» личность, состоящую в бессознательных полиморфных социальных взаимоотношениях, конституирующих ее.

Это справедливо для западной европейской культуры, в то время как осмысление статуса детства в русской традиции имеет свою специфику. Несмотря на то, что существуют некоторые затруднения, связанные с отсутствием достаточного количества исследований, посвященных изучению «Древнерусского детства» в этот период, их общие идеи можно эскизно отобразить следующим образом. Во-первых, некоторые ученые отказываются рассматривать древнерусскую модель отношений «взрослый – ребенок» – по аналогии с работами Арьеса и Демоза – как деспотическую или безразличную к потребностям детей (Пушкарева 1996: 308–309); во-вторых, представления о всеобщей неграмотности родителей и детей в Древней Руси к настоящему времени считаются опровергнутыми, поскольку уже к XI–XIII векам ученичество являлось одной из форм образования на Руси, адаптированного под запросы той социальной среды. Родители уделяли достаточно внимания детям, однако их методы воспитания и обучения, с точки зрения некоторых авторов (Долгов 2006: 72–85), строились не на рациональных, а на сакрально-магических представлениях о мире и человеческой субъективности, что вполне коррелирует с западноевропейскими средневековыми представлениями о детстве.

Амбивалентность средневековых представлений, претерпевающих изменения от эпохи к эпохе, красной нитью прослеживается во всех последующих повествованиях о детстве, вплоть до наших дней, демонстрируя способ диалектического взаимодействия взрослого и ребенка в истории и культуре, в процессе которого феномен детства становится артикулируемым.

Нововременная концепция детства

Как и в случае со средневековыми представлениями, опирающимися на ставшие парадигмальными взгляды, XVI и последующие за ним XVII и XVIII

века создали собственные представления о детстве, тесно связанные с трансформацией социально-культурного климата, возникновением печатной культуры, изменением представлений о человеческой субъективности. Вслед за протестантской реформацией возникает новый публичный дискурс, в рамках которого священники, философы, педагоги предлагают произвести ревизию в представлениях о детстве.

Антропоцентризм и гуманизм XVI века существенно трансформирует многие сферы жизни, послужившие импульсом к изменению практик общения детей и взрослых, усилению эмоциональной привязанности между ними. Так, например, такие известные философы, как Л. Альберти (Альберти 1999: 140–179) и Э. Роттердамский акцентировали внимание на значимости детского опыта, свидетельствовали о необходимости проявления заботы о ребенке, эмоциональной вовлеченности взрослого в процесс воспитания (Роттердамский 1999: 246–296). Эти тенденции привели к повышению и изменению социального статуса ребенка, формированию четких критериев отличий детей и взрослых, организации школьного обучения. В XVI–XVII века детство стало синонимом школы, а «школьник» и «ребенок» тождественными понятиями.

Возрастная дифференциация и организация школьных классов, отталкивающаяся от иерархии способностей и умений ребенка, способствовали появлению и признанию социально-культурной категории «детство», что, в свою очередь, уже к концу XVI века привело к возникновению детской культуры, моды, языка и т. д. В этот период детство перестало ассоциироваться исключительно с биологической фазой развития и впервые было артикулировано в качестве аксиологически и социально значимого этапа жизни. С точки зрения Демоза, период конца XV – начала XVIII веков является моментом исторического разделения взрослых и детей и характеризуется амбивалентным стилем воспитания (Демоз 2000: 84–85), направленным на ослабление бессознательных проективных взрослых реакций, культивирование эмоциональной привязанности к детям.

Возрождающиеся идеи Платона относительно представлений о детстве можно обнаружить в работе итальянского философа Т. Кампанеллы *Город солнца*. Другой представитель Возрождения, М. Монтень, рассматривает детство в качестве периода человеческой жизни, в котором ребенок развивается благодаря снисходительной разумной любви и заботе родителей (Монтень 2002: III: 102–104). В XVII веке оформляется движение педагогов-новаторов, появляется корпус назидательно-воспитательной литературы, формируются новые представления о детстве. Однако эти позитивные тенденции не устранили торговлю детьми и эксплуатацию их низкооплачиваемого труда (Демоз 2000: 53) – дети по-прежнему использовались в качестве залога политических или долговых обязательств, объекта торговли, что не запрещалось законом вплоть до XIX века, равно, как и их жестокое избиение в школе и дома.

В эпоху Нового времени появляются два основных принципа отношений «взрослый – ребенок»: с одной стороны, повышается степень ответственности и заботы у взрослых, их эмоциональной вовлеченности в процесс воспитания; второй принцип связан с необходимостью введения жестких дисциплинарных

практик, не допускающих потакания детским слабостям, нацеленных на культивирование у ребенка чувства стыда и вины, послушания и т. д. Эти гипотезы подтверждают социо- и психогенетические исследования немецкого ученого Н. Элиаса, утверждавшего, что развитие цивилизации тесно связано со стремлением к предельной рационализации отношений в обществе, подавлением аффектов и желаний, введением постоянного контроля над всеми сферами человеческой жизнедеятельности (Элиас 2001). Причины таких трансформаций напрямую коррелируют с рефлексивным осмыслением основ формирования государственности, трансформацией представлений о природе человеческой субъективности в эпоху Нового времени, во многом созвучных современным характеристикам.

Определяющее значение в конституировании представлений о детстве в этот период имеет концепция Аристотеля, поэтому онто-гносеологический, гражданско-правовой, а также этический контекст античного рассмотрения феномена детства приобретает большое значение. Пример такой интерпретации можно обнаружить в трудах французского философа Р. Декарта и другого представителя этого исторического периода – Дж. Локка, разрушающего декартовский аргумент в защиту врожденных принципов познания у детей. Свои идеи по воспитанию и образованию детей, считавшихся лишь потенциально ценными людьми, поскольку они не имеют интеллекта и способности к самоконтролю, стыда и других качеств, которыми наделены взрослые, философ выразил в труде *Мысли о воспитании* (Локк 1988: III: 407–614). Некоторые теоретики когнитивного развития до сих пор считают, что радикальный эмпиризм Локка и крайний иннатизм (лат. *innātus* «врожденный») Платона или Декарта являются определяющими в современных интерпретациях феномена детства.

Работы французского философа М. Фуко позволяют выявить одну из причин такой линии развития – так называемый «шантаж» Нового времени и последующего за ним Просвещения. С его точки зрения, интерес к детству в XVII веке был вызван исключительно политическими, демографическими и экономическими интересами (Фуко 2005: 306), поскольку увеличение силы нации, определяемой, в том числе и количеством населения, сопряжено с ростом усилий по формированию интеллектуального, нравственного и физического сопровождения детей в социуме.

«Шантаж» Просвещения vs. романтического образа детства

Стадиальная концепция прогрессивного развития от детства к взрослости также соответствовала парадигмальным взглядам эпохи Просвещения, представители которой проявляли повышенный интерес к теме когнитивных оснований взросления. Главные тенденции этого периода, имеющие отношение к формированию представлений о феномене детства, можно выявить, исходя из противопоставления концепций немецкого мыслителя И. Канта и французского философа Ж.-Ж. Руссо, работы и взгляды которых в большой степени на-

ходятся в оппозиции к проекту Просвещения и прогрессистской, построенной на идеях Нового времени, парадигме детства.

В философских работах Канта феномен детства не являлся отдельной темой его профессиональных интересов и в основном рассматривался в рамках гносеологической и антропологической проблематики. По существу, кантовская концепция обоснования трансцендентального идеализма указывает на четкие критерии дифференциации взрослого и ребенка. Согласно философу, ребенок от рождения обладает рядом потенциальных способностей, однако цели последующей жизни детей связаны преимущественно с формированием трансцендентальных субъективных способностей в их тесной связи с развитием силы воли (Кант 1994а: 46), что опровергает значительность познавательного и морального опыта ребенка (Кант 1994b: VIII: 29–31; 399–462).

Гносеологический и антропологический дискурс, открытый И. Кантом, продолжается и в наше время, с той лишь разницей, что современные исследователи пытаются реабилитировать ценность детства и ориентироваться на поддержание спонтанной деятельности ребенка, его действительной аксиологической значимости в настоящем, уникальности внутреннего субъективного опыта. Несмотря на эти попытки, примат кантовского трансцендентализма до сих пор завуалировано участвует в написании современных повествований о детстве, в том числе и научных. Например, стадияльная теория развития Ж. Пиаже и другие эволюционные подходы, подвергающиеся активной критике в работах Л. Выготского, М. Липмана, Н. Юлиной за их редукционистский подход к исследованию детства, согласно которому детям вместе с другими «низшими» формами жизни отводится своя ниша в историко-культурном процессе, в позитивистском значении этого слова. Именно эпоха Просвещения породила ряд теорий, ориентированных на адаптацию естественных способностей ребенка и воспитательно-образовательных практик под конкретную концепцию реальности (Доронина 2021: 128–129).

Антагонистическую Канту позицию занимает Руссо, оказавший большое влияние на развитие идеи детства в последующие эпохи и настаивающий на признании аксиологической значимости ребенка, невозможности рассматривать его исключительно сквозь призму взрослых проекций в качестве потенциально «пригодного» человека и гражданина. Несмотря на то, что к этому времени уже существовало определенное «очарование» идеей детства, именно Руссо довел ее до концептуализации, повлиявшей на формирование последующих представлений, связанных с сентиментальным отношением к ребенку в эпоху Романтизма. Философ оправдывал природосообразность детства, его полноту и целостность, вне зависимости от возраста, поскольку каждый период, с его точки зрения, имеет свою уникальную специфику.

В трактате *Эмил, или О воспитании* Руссо изложил свою систему воспитания и обучения, в основе которой лежит «следование самой природе ребенка» (Руссо 1980). Взгляды философа обозначили контуры будущей гуманной педагогики и дидактики в XX веке, акцентирующей внимание на многогранности и сложности феномена детства, принципиальной инаковости ребенка, значимости его субъективного внутреннего опыта.

В начале XIX века, в качестве компенсации, происходит романтизация детства и реабилитация статуса ребенка как целостной неиспорченной цивилизацией личности, гения, умершего под гнетом радикального рационализма и культурно-политической гегемонии. Однако, согласно Х.-Г. Гадамеру, эпоха Романтизма, в целом разделяющая основные предпосылки Просвещения и меняющая лишь их оценки и акценты, по сути, является не чем иным, как его «зеркальным отображением» (Гадамер 1988: 167), демонстрирующим диалектическую напряженность взаимодействия двух доминирующих форм исторического сознания. Этот вывод обладает большим значением, поскольку позволил подвести черту под теорией субъективности, впервые сформулированной Руссо, утверждавшим о невозможности дифференциации природного и социального, детского и взрослого в человеке.

Предельно обобщая, предложенные философами этого периода характеристики детства можно выразить следующим ассоциативным рядом: ребенок наделен чистой, свободной силой и целостностью; соединение простодушия с ребячливостью; высшая (практическая) мощь; сердце, полное невинности и правды (Шиллер 1957: VII : 386–391); гений, божественная искра, невинность и т. д. Аналогичные воззрения на детей можно обнаружить у философа Ф. Харденберга (Новалис), сравнивающего ребенка с первым человеком и провидцем (Новалис 1995: 143–160). Резюмируя вышеперечисленные эпитеты и размышления о природе ребенка, можно аллегорически сказать, что дети – это «альфа и омега» взрослой жизни, точка отсчета и цель развития одновременно.

В «инстинктивном» стремлении освободиться от радикального рационализма попытки романтиков привели к переоценке феномена детства и, как следствие, формированию в первой половине XIX века первых институционализированных заведений для маленьких детей, ориентированных на их потребности, с учетом психофизиологических особенностей развития. Формируется так называемый социализирующий стиль воспитания (Демоз 2000: 85), который хорошо отражает лозунг немецкого педагога и создателя первого детского сада эпохи Романтизма Ф. Фребеля «Будем жить для наших детей» (Фребель 2005).

Интересно сравнить представления о детстве в русской религиозно-философской традиции с романтическими представлениями в западноевропейской культуре. Романтизация детства в русской религиозно-философской мысли проявлялась специфическим образом – ребенок олицетворял вневременную добродетель, божественную искру, идеал человека, душевная организация которого принадлежит трансцендентному центру личности. На примере работ двух известных мыслителей XIX века В.В. Розанова и Ф.М. Достоевского попробуем выявить специфические характеристики детства в этот период.

Русский философ В. Розанов в работе *Религия. Философия. Культура* в рамках философии повседневности, преодолевающей некоторую узость христианского догматизма, рассуждает о детстве как пристанище святости и отсутствия греха, благодаря чему они освещают своим присутствием любой дом (Розанов 2001: 209–210, 220–222). В рамках метафизики детства Розанова ребенок является «выявленной мыслью Божией» (Розанов 1990: I: 215), духовным таинственным феноменом (Розанов 1990: I: 306), отсылающим взрослых к трансцендентным

«оставленным» ими мирам (Розанов 1990: I: 215, 222); невинностью и безгрешностью (Розанов 2001: 37, 209), целостностью (Розанов 2001: 39), являющихся предметом постоянной ностальгии вышедших из детского возраста. Дети, будучи представителями трансцендентного мира, заключают в себе залог обещанного спасения взрослых, воспитывают и ведут их к наполненности, выразительности и одухотворенности (Розанов 2001: 220). В этом контексте, по аналогии с представителями западноевропейского Романтизма, Розанов отказывается от просвещенческих дуалистических интерпретаций этого феномена как исключительно социально-биологического явления, а указывает на одухотворенность детства, его возвышенное значение.

Защита достоинства и ценности детства является основным лейтмотивом произведений другого мыслителя XIX века – Ф. Достоевского, который настаивал на необходимости уважительного и трепетного отношения к ребенку, очеловечивающего души взрослых. Как следствие, взаимоотношения детей и взрослых представляются мыслителем как форма взаимного воспитания и облагораживания в любви и отсутствии губительных для ребенка наказаний (Достоевский 1995: XIV: 223–226), та же мысль звучит в *Братьях Карамазовых* (Достоевский 1991: IX: 565), а семья является святыней и оплотом государства (Достоевский 1994: XIII: 82).

Рассмотрение феномена детства в рамках русской религиозно-философской традиции – на примере размышлений Розанова и Достоевского – отсылает к метафоре «ребенок-святой», указывающей на высокую миссию детей, их безгрешность и одновременно могущество, что вполне отражает попытки представить этот феномен в западноевропейском Романтизме через такие предикаты, как «божественная искра», «гений», «альфа и омега» и т. д., повлиявших на формирование нового типа отношений «взрослый – ребенок».

Продолжающие острую полемику между Просвещением и Романтизмом современные исследования и интерпретации детства, на взгляд автора, представляют очередную попытку выявить новые грани понимания этого феномена, тесно связанные с онтологическими и гносеологическими установками тех периодов.

Выводы

Историко-философская реконструкция представлений о детстве – начиная с Античности и заканчивая эпохой Романтизма – позволила выявить корни современных представлений об этом феномене; установить факт существования закономерности их трансформации, обусловленной, во-первых, сменой парадигмальных взглядов на природу человеческой субъективности, во-вторых, способами формирования значений детства, в основе которых лежат онто-гносеологические обоснования.

Оправдывающие ценность детства и его высокое психо-духовное значение представители Романтизма оспаривали ограниченность гносеологических подходов к интерпретации ребенка, до сих пор являющихся определяющими и до-

минирующими в конструировании современных представлений об этом неоднозначном феномене.

Эти выводы имеют фундаментальное значение, поскольку позволяют выявить наличие философского контекста в любых представлениях о детстве, его влияние на стиль отношений «взрослый – ребенок», форму воспитательно-образовательных практик. В этом смысле философское исследование феномена детства, включающее множество элементов, актуализирует ряд вопросов, касающихся также природы, целей и задач воспитания и обучения, тесно связанных с концептуальными представлениями о феномене детства.

Библиография / References

- Avgustin, A. (2000). *Isповедь*. Moskva: Kanon+Reabilitaciã [Августин, А. (2000). *Исповедь*. Москва: Канон+Реабилитация].
- Al'berti, L. (1999). *O semè*. V: *Obraz èloveka v zerkale gumanizma: mysliteli i pedagogi epoхи Vozroždeniã o formirovanii liènosti (XIV–XVII vv.)*. Moskva: URAO: 140–179 [Альберти, Л. (1999). *О семье*. В: *Образ человека в зеркале гуманизма: мыслители и педагоги эпохи Возрождения о формировании личности (XIV–XVII вв.)*. Москва: УРАО: 140–179].
- Aristotel'. (1976). *Metafizika*. V: *Soèineniã: v 4 tomah*. Т. 1. Moskva: Nauka [Аристотель. (1976). *Метафизика*. В: *Сочинения: в 4 томах*. Т. 1. Москва: Наука].
- Aristotel'. *Politika*. V: *Soèineniã: v 4 tomach*. Т. 4. Moskva: Mysl' [Аристотель. (1983). *Политика*. В: *Сочинения: в 4 томах*. Т. 4. Москва: Мысль].
- Arès, F. (1999). *Rebenok i semejnã žyzn' pri Starom poriãdke*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta [Аррьес, Ф. (1999). *Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета].
- Classer, A. (2005). *Philippe Aries and the Consequences History of Childhood, Family Relations, and Personal Emotions. Where do we stand today? V: Childhood in the Middle Ages and the Renaissance. The Results of a Paradigm Shift in the History of Mentality*. Berlin–New York: Walter de Gruyter: 1–65.
- Demoz, L. (2000). *Psihoistoriã*. Rostov-na-Donu: Feniks [Демоз, Л. (2000). *Психоистория*. Ростов-на-Дону: Феникс].
- Dolgov, V.V. (2006). *Detstvo v kontekste drevnerusskoj kul'tury XI–XIII vv.: Otnoèenie k rebenku, sposoby vospitaniã i stadii vzrosleniã. Ètnografièeskoe obozrenie*, 5: 72–85 [Долгов, В.В. (2006). *Детство в контексте древнерусской культуры XI–XIII вв.: Отношение к ребенку, способы воспитания и стадии взросления. Этнографическое обозрение*, 5: 72–85].
- Doronina, S.G. (2021). *Filosofskoe issledovanie fenomena detstva: problemy i perspektivy. Socium i vlast'*, 1(87): 127–137 [Доронина, С.Г. (2021). *Философское исследование феномена детства: проблемы и перспективы. Социум и власть*, 1 (87): 127–137].
- Dostoevskij, F.M. (1991). *Brat'à Karamazovy*. V: *Sobranie soèinenij: v 15 tomach*. Т. 9. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie [Достоевский, Ф.М. (1991). *Братья Карамазовы*. В: *Собрание сочинений: в 15 томах*. Т. 9. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение].
- Dostoevskij, F.M. (1994). *Dnevnik pisatelã 1876*. V: *Sobranie soèinenij: v 15 tomach*. Т. 13. Sankt-Peterburg: Nauka [Достоевский, Ф.М. (1994). *Дневник писателя 1876*. В: *Собрание сочинений: в 15 томах*. Т. 13. Санкт-Петербург: Наука].
- Dostoevskij, F.M. (1995). *Dnevnik pisatelã 1877, 1880, avgust 1881*. V: *Sobranie soèinenij: v 15 tomach*. Т. 14. Sankt-Peterburg: Nauka [Достоевский, Ф.М. (1995). *Дневники писателя 1877, 1880, август 1881*. В: *Собрание сочинений: в 15 томах*. Т. 14. Санкт-Петербург: Наука].

- Fragmenty rannih grečeskikh filozofov.* (1989). Č. 1. Moskva: Nauka [*Фрагменты ранних греческих философов.* (1989). Ч. 1. Москва: Наука].
- Frebel, F. (2005). *Budem žit' dlá naših detej.* Ekaterinburg: U-Faktoriá [Фребель, Ф. (2005). *Будем жить для наших детей.* Екатеринбург: У-Фактория].
- Frijhoff, W. (2012). Historian's discovery of childhood. *Paedagogica Historica*, 48, 1: 11–29.
- Fuko, M. (2005). *Nenormal'nye: kurs lekcij, pročítannyyh v Kollež de Frans v 1974–1975 uč. godu.* Sankt-Peterburg: Nauka [Фуко М. (2005). *Ненормальные: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 уч. году.* Санкт-Петербург: Наука].
- Gadamer, Ch.-H. (1988). *Istina i metod.* Moskva: Progress [Гадамер, Х.-Г. (1988). *Истина и метод.* Москва: Прогресс].
- Kant, I. (1994a). *Kritika sposobnosti suždeniá.* Moskva: Iskusstvo [Кант, И. (1994a). *Критика способности суждения.* Москва: Искусство].
- Kant, I. (1994b). *Sobranie sočinenij v 8 tomach.* T. 8. Moskva: ČORO [Кант, И. (1994b). *Собрание сочинений в 8 томах.* Т. 8. Москва: ЧОРО].
- Lokk, Dž. (1988). *Sočineniá: v 3 tomach.* T. 3. Moskva: Mysl' [Локк, Дж. (1988). *Сочинения: в 3 томах.* Т. 3. Москва: Мысль].
- Losev, A.F. (1993). *Očerki antičnogo simbolizma i mifologii.* Moskva: Mysl' [Лосев А.Ф. (1993). *Очерки античного символизма и мифологии.* Москва: Мысль].
- Matthews, G., Mullin, A. (2020). *The Philosophy of Childhood.* V: *The Stanford Encyclopedia of Philosophy.* (Online) <https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/childhood/> (доступ: 24.06.2021).
- Monten', M. (2002). *Opyty: v 3 knigach.* Кн. 3. Moskva: «AST»; Har'kov: «Folio» [Монтень, М. (2002). *Опыты: в 3 книгах.* Кн. 3. Москва: «Из-во АСТ»; Харьков: «Фолио»].
- Novalis, G. (1995). *Fragmenty. Učeniki v Saize.* Sankt-Peterburg: Evraziá [Новалис, Г. (1995). *Фрагменты. Ученики в Саисе.* Санкт-Петербург: Евразия].
- Platon. (1971). *Gosudarstvo. Sobranie sočinenij: v 3 tomach.* T. 3 (1). Moskva: Mysl'. (Online) <http://www.psylib.ukrweb.net/books/plato01/26gos07.htm>. (dostup 7.07.2021) [Платон. (1971). *Государство.* В: *Собрание сочинений: в 3 томах.* Т. 3 (1). Москва: Мысль. (Online) <http://www.psylib.ukrweb.net/books/plato01/26gos07.htm>. (доступ 7.07.2021)].
- Platon. (1999). *Zakony.* Moskva: Mysl'. (Online) <http://www.psylib.ukrweb.net/books/plato01/30zak06.htm>. (dostup: 7.07.2021) [Платон. (1999). *Законы.* Москва: Мысль. (Online) <http://www.psylib.ukrweb.net/books/plato01/30zak06.htm>. (доступ: 7.07.2021)].
- Postman, N. (1982). *The disappearance of childhood.* 5: 1st Vintage eBooks. Originally published: New York: Delacorte Press.
- Puškarëva, N.L. (1996). *Mat' i materinstvo na Rusi X–XVII vv. V: Človek v krugu sem'i: Očerki po istorii častnoj žizni v Evrope do načala Novogo vremeni.* Moskva: RGTU: 308–309 [Пушкарева, Н.Л. (1996). *Мать и материнство на Руси X–XVII вв. В: Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени.* Москва: РГТУ: 308–309].
- Rozanov, V.V. (1990). *Sočineniá: v 4 tomach.* T. 1. Moskva: Pravda [Розанов, В.В. (1990). *Сочинения: в 4 томах.* Т. 1. Москва: Правда].
- Rozanov, V.V. (2001). *Listva (Iz rukopisnogo naslediá).* Moskva: Lakom-kniga [Розанов, В.В. (2001). *Листва (Из рукописного наследия).* Москва: Лаком-книга].
- Rotterdamskij, E. (1999). *O vospitanii detej. V: Obraz človeka v zerkale gumanizma: mysliteli i pedagogi epohi Vozroždeniá o formirovanii ličnosti (XIV–XVII vv.).* Moskva: URAO: 246–296 [Роттердамский, Э. (1999). *О воспитании детей. В: Образ человека в зеркале гуманизма: мыслители и педагоги эпохи Возрождения о формировании личности (XIV–XVII вв.).* Москва: УРАО: 246–296].

- Russo, Ž.-Ž. (1980). *Pedagogičeskie sočineniâ: v 2 tomach*. T. 1. Moskva: Pedagogika [Руссо, Ж.-Ж. (1980). *Педагогические сочинения: в 2 томах*. Т. 1. Москва: Педагогика].
- Shulamith, S. (1990). *Childhood in the Middle Ages*. London and New York: Routledge.
- Šiller, F. (1957). *Sobranie sočinenij: v 7 tomach*. Moskva: Hudožestvennaâ literatura [Шиллер, Ф. (1957). *Собрание сочинений: в 7 томах*. Т. 7. Москва: Художественная литература].
- Vygotskij, L.S. (1983). *Razvitie vyšših psihičeskikh funkcij. V: Sočineniâ v 6 tomach*. T. 3. Moskva: Pedagogika [Выготский, Л.С. (1983). *Развитие высших психических функций. В: Сочинения в 6 томах*. Т. 3. Москва: Педагогика].
- Èlias, N. (2001). *O processe civilizacii: sociogenetičeskie i psihogenetičeskie issledovaniâ: v 2 tomach*. T. 2. Moskva; Sankt-Peterburg: Universitetskaâ kniga [Элиас, Н. (2001). *О процессе цивилизации: социогенетические и психогенетические исследования: в 2 томах*. Т. 2. Москва, Санкт-Петербург: Университетская книга].

Competing interests: The author declares that he has no competing interests.